

МЕРА ИНТЕРПРЕТАЦИИ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА В ЛИТУРГИЙНЫХ ПРОПОВЕДЯХ РАЗНЫХ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Е.Ю. Медведев

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая 6, Москва, Россия, 117198
kaf_yazik_rudn@mail.ru

В статье на материале литургийных проповедей рассматривается вопрос о том, насколько важно правильно определить точку зрения на изучаемый объект. Автор попытался показать невозможность получения достоверных выводов о богословских текстах при изучении их с позиций общеупотребительного языка. Противопоставление светской семиотической системы и богословской семиотической системы не может не отразиться на семантических особенностях литургийной проповеди как органической части религиозного пространства. Христианство по своей природе символично. И задача проповедника, заключающаяся в том, чтобы объяснить слушателям смысл боговдохновенных книг, обуславливает важнейшую характерную черту литургийной проповеди: ее построение по алгоритму «от значения предметного к значению символическому».

Ключевые слова: литургийная проповедь, противопоставление благодатной и ораторской речи, предметное значение, символическое значение, смысловые пересечения, переустановление значения.

ВВЕДЕНИЕ

В богословской семиотической системе наблюдается регулярно возобновляемое противопоставление благодатного слова и слова риторического, в определенной мере искусственного, созданного «умением» человека.

Во времена начального христианства по этой причине профессиональные ораторы «допускались к крещению» только после отречения от своего занятия «ораторством»: «Если ораторство иногда имеет место в проповеди даже отцов Церкви, то не как черта природы христианской проповеди, а как признак случайный, являющийся у них вследствие того, что они изучали языческое ораторское искусство в то время, когда о вступлении на служение церкви еще не думали, а готовились к гражданским должностям» [2. С. 402].

Этическое противопоставление благодатной и ораторской речи в определенной степени присутствует и в светской науке, признающей, что факт убеждения уже включает в себе элемент давления, а значит, насилия: «Риторика, в меру своей лживости, стремится вызвать именно страх или надежду. Это принадлежит к существу риторического слова (эти аффекты подчеркивала и античная риторика). Искусство (подлинное) и познание стремятся, напротив, освободить от этих чувств» [3. С. 63—70].

Риторическое слово нацелено не на отражение *сущи* объекта («что-то есть что-то»), оно имеет другую задачу: определенным образом воздействовать на слушающего, вызвать у него *определенное* отношение к объекту. При этом свойства

объекта искажаются в соответствии с целью оратора: одни свойства объекта могут опускаться, другие, напротив, выводиться на первый план, приобретать искусственную «выпуклость». В любом случае объект не показывается во всей своей полноте, а значит, риторическое слово по природе своей лживо.

На основании противопоставления благодатной и ораторской речи не могло не возникнуть и другого противопоставления — не всегда абсолютного: церковного наставления, «преподаваемого в храме за литургией», и церковного наставления, «преподаваемого вне литургии». Другими словами, противопоставление литургийной и нелитургийной проповеди.

Главным средством обретения благодати стала *литургия*, установленная Богочеловеком на Тайной вечере — последней накануне крестных страданий и смерти трапезе Иисуса Христа с его учениками. В христианском представлении через вкушение хлеба и вина, в которые прилагаются тело и кровь Христовы, человек получает благодать.

Именно поэтому литургия понимается как главное христианское богослужение: на ней вспоминается вся земная жизнь Христа и совершается главное таинство церкви — евхаристия. «Православие... в таинствах видит не знаки только благодати, но самую благодать; в таинстве евхаристии видит истинное тело и истинную кровь Христовы, в которых пресуществляются хлеб и вино» [2. С. 379].

Основание для расподобления слова благодатного и слова риторического материализуется в понимании литургийной проповеди как слова, по внутреннему существу своему имеющего иную природу, чем естественное слово ораторского искусства, а главной его продуктивной силой является благодать, даруемая в таинстве священства: «Если в церкви невидимо присутствует сам Глава ее, Иисус Христос, и обетованный Им Дух Святой, который наставляет ее на всякую истину, то невозможно допустить, с церковной точки зрения, чтобы без руководства вспомоществующей благодати Божией могло обойтись дело церковной проповеди» [2. С. 402].

ОТРАЖЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО МИРОСОЗЕРЦАНИЯ В ЛИТУРГИЙНЫХ ПРОПОВЕДЯХ

В общих чертах логику христианской жизни можно представить так: главная цель человека — обрести «спасение», то есть победить смерть через преодоление разрушающей силы греха. «Спасение» возможно только с получением благодати. А благодать дается через евхаристию — главное таинство церковной жизни.

Для религиозно-семиотического пространства важна предельная семантизация, поскольку здесь нет ничего случайного, малозначимого. «Вхождение литургийной проповеди в литургию недостаточно рассматривать как некоторую семантически обесцененную позицию. Это часть литургии, но не механическая. Это органическая часть органического целого» [4. С. 5—17].

Какие смысловые ограничения или, наоборот, возможности, дает противопоставление литургийной и нелитургийной проповеди? Чтобы это понять, нужно определить эмпирический материал, который станет в наиболее высокой степени достоверным для решения намеченной проблемы.

Понятно, что проблема столь многосложна, что пользоваться единым критерием было бы неверно. Очевидно, необходимо применить несколько критериев, и, сопоставив полученные результаты, выйти на более высокий уровень обобщения.

Соотнести всю полноту литургийных проповедей со всей полнотой нелитургийных проповедей не представляется возможным, даже при условии, что для исследования мы привлечем тексты только одного «автора».

Обращаясь же к проповедям, составленным одним проповедником, нельзя исключать вероятности того, что в фокусе нашего внимания окажутся не особенности литургийной проповеди, а идиостилистические особенности «составителя».

Перспективным, как нам представляется, может оказаться сопоставительное изучение литургийных проповедей, прочитанных *разными* «составителями», но приуроченных к *одному* событию. Причем событию, оказывающемуся в эпицентре сакральных смыслов церковного годового круга — периода жизни христианина, когда он «не просто вспоминает исторические события из земной жизни Христа, Богородицы и святых, но призывается Церковью взойти на новую ступень духовной лестницы» [6].

Привлечены тексты проповедей, которые составлены священниками, проповедовавшими не только в России, но и за ее пределами в течение столетия — с 20-х гг. XX в. до 10-х гг. XXI в.:

— новосвященномученика Григория Лебедева (Россия, Ленинградская область, Шлиссельбург, 1927 г.);

— архимандрита Иоанна (Крестьянкина) (Россия, Псково-Печерский монастырь, 1994 г.);

— митрополита Антония Сурожского (Великобритания, Лондон, 1998);

— архимандрита Тихона (Шевкунова) (Россия, Москва, 2006 г.);

— митрополита Владимира (Узбекистан, Ташкент, 2006 г.);

— игумена Феофилакта (Россия, Истра, 2011 г.);

— иерея Алексия Зимовца (Россия, Волгоград, 2015 г.).

Проповеди были прочитаны в один из самых значимых дней годового церковного круга — в Прощеное воскресенье, или в день воспоминания изгнания Адама.

Значение Прощеного воскресенья раскрывается в соположении с другими событиями церковного годового круга — Великим постом и Пасхой — кульминационной точкой церковной жизни, главным для христиан событием в истории человечества: «Крестная смерть Иисуса Христа и Его последующее воскресение показало человеку, что возможно обрести спасение от губительных последствий первородного греха Адама и Евы, которые отразились и на всех их потомках, вследствие преемственного принятия от них не только природы, но вместе с нею и греховной порчи» [1. С. 433].

С точки зрения богословия, главная цель человека — войти в «жизнь вечную», победив смерть, которая в христианском мирозерцании является след-

ствием отпадения человека от Бога. Воскресение Христа для верующих является высшим ориентиром, который указывает *направление* пути к спасению — победе над смертью, конечную точку этого пути.

В семиотике христианства Великий пост, который продолжается в течение сорока дней как воспоминание сорокадневного поста Иисуса Христа в пустыне перед его крестной смертью, является символом *пути* человека к спасению. В продолжение Великого поста человек уподобляется Христу: преодолевает искушения, переживает смерть и дальнейшее воскресение.

Если в геометрии «путь» — это линия, соединяющая во времени и пространстве некоторые точки *a* и *b*, то у него должны быть начало и конец. И если конечным пунктом «пути спасения» для человека является возвращение к Богу и победа над смертью, то начало этого «пути» — прощение:

Физическое рождение → жизнь вне Бога → смерть физическая
Прощение → возвращение к Богу → победа над смертью

Поэтому Великий пост начинается сразу после Прощеного воскресенья — дня, когда люди просят прощения у окружающих и сами должны простить их. Семиотическая важность этой даты церковного календаря обусловлена тем, что она является своеобразным «фундаментом» главного события для православных христиан.

Зрительно это можно представить так (см. рис. 1):

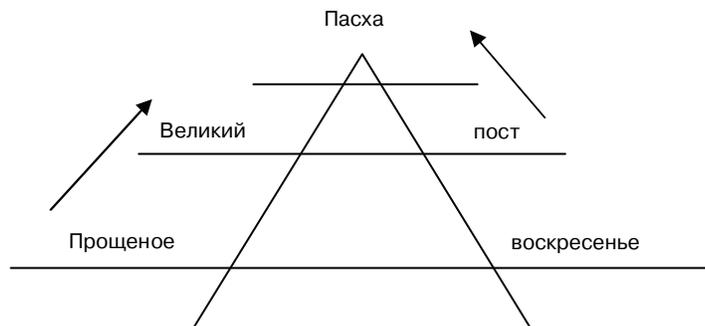

Рис. 1

Прощеное воскресенье также называют воспоминанием Адамова изгнания. Возникает вопрос: почему изгнание Адама вспоминают именно в этот день церковного годового круга?

В двух сферах человеческого духа — религии и искусстве — нет случайностей. И «встреча» этих событий в одной точке церковного календаря оказывается значимой.

Воскресенье называется прощеным в знак того, что «Адам не только первый согрешил, но и первый *покаялся*, и Бог *простил* его». Адам же олицетворяет собой ‘все человечество’, а Прощеное воскресенье — это ‘день, в который не только люди прощают друг друга, но и Бог прощает человека’.

В цепи событий «**Прощеное воскресенье — Великий пост — Пасха**» невозможно показать одно в отрыве от другого, поскольку это не линейно расположенные обособленные события, соотносимые с изолированными смыслами, а взаимозависимые элементы одного целого. Поэтому в литургийных проповедях, посвященных Прощеному воскресенью, неизбежным, объективно обязательным будет разъяснение значения и Великого поста, и праздника Пасхи: *«Ныне перед нами открываются двери **Великого поста**, дорога духовного обновления, по которой мы должны прийти к **Светлому Воскресению**. Не только в воздержании от жирной пищи и хмельного питья заключается пост, такое воздержание — благое подспорье, чтобы мы смогли очистить от скверны наши чувства и помыслы. Отрешившись от житейской суеты, в благоговейной молитве наедине с Господом должен проводить христианин дни Великого поста. Но как предстать перед Господом Всемилостивым, если сам ты немилостив? Как предстать перед Божественной любовью, если в душе твоей живет ненависть? Потому-то этот день, канун Великого поста, именуется Святая Церковь **Прощеным воскресеньем** и призывает нас ныне примириться со всеми, кто обидел нас, и искренне покаяться перед теми, кого мы обидели» (митрополит Владимир); «И войдем в пост **прощеными** и благословенными Божией Матерью, **прощеными** и принятыми Богом нашим и Отцом ради крестной любви Сына Единородного, отдавшего Свою жизнь и Свою смерть за нас. И вступим в этот **пост** не с горечью, а с радостью. Потому что **Пост** — это весна духовная, это время, когда мы можем ожить, это наше восхождение к святой, животворящей, дивной **Пасхе** Господней, которая предвозвещает нам всеконечную **Пасху**, победу Божью, жизнь вечную, торжество Духа Святого в нас и радость нескончаемую» (митрополит Антоний Сурожский).*

ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ В ЛИТУРГИЙНЫХ ПРОПОВЕДЯХ

Согласно гомилетике, главная задача проповеди состоит не в том, чтобы напомнить слушателям сюжет библейского текста, а в том, чтобы объяснить смысл откровенных боговдохновенных книг.

Откровение в богословской семиотической системе понимается как проявление Бога в видимом мире и интерпретируется как свидетельство существования Бога.

В проповеди должна быть, если рассуждать в светских терминах, интерпретация ветхозаветного текста, или, если говорить терминами богословскими, — разъяснение символического значения христианства, которое проявляется «в полном равновесии между „внутренним“ и „внешним“, идеей и образом, „идеальным“ и „реальным“» [5. С. 57].

Символические смыслы — это смыслы, формирующие представление человека о действительности невидимого мира: «богослужение символично, ибо здесь люди не просто изображают молитву, но реально сами молятся; и некие действия не изображаются просто, но реально происходят» [5. С. 59].

В литургийных проповедях переустанавливается значение Добра: «Не зная греха, Адам и Ева наслаждались **полнотой** бытия в чудесном райском саду»; «Первые люди не нуждались в познании добра и зла. Они сами были добром, образом и подобием Всевышнего Добра, Которое есть Бог. А познать зло для них означало впустить зло в собственные души, омрачив их первозданный свет» (митрополит Владимир).

В светском сознании «два» всегда больше, чем «один», поэтому может возникнуть представление о том, что знание только добра делает бытие человека неполноценным, познание же зла делает бытие более полным, если можно так выразиться, зло вносит «новые краски» в жизнь человека.

В богословской системе ценностей картина иная: бытие без греха (без зла) полное. Добро как некий Абсолют больше, чем добро, смешанное со злом. В этом случае добро перестает быть абсолютным и становится меньше. Поэтому познание зла (впускание его в свою душу), напротив, лишает бытие полноты.

Получается, что **Добро диалектически больше, чем добро и зло.**

Безусловно, единство темы предполагает наличие во всех проповедях некоего смыслового пересечения (рис. 2):

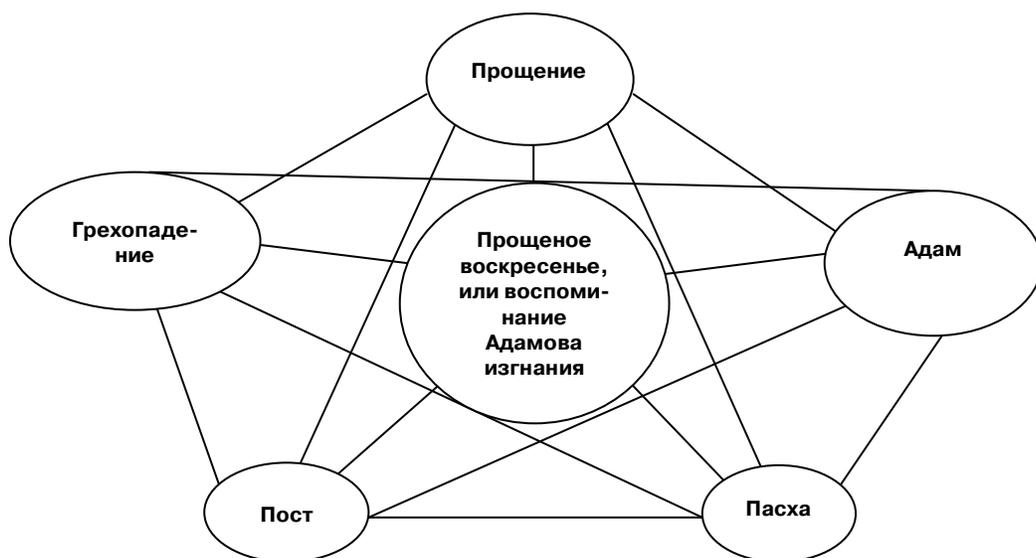

Рис. 2

Очевидно, что в проповедях об Адамовом изгнании не может не быть отсылки к Ветхому Завету. Но какой характер имеют эти отсылки?

Сюжету о грехопадении Адама и его изгнании посвящена третья глава Книги Бытия (Книга Бытие 3:1—24).

В текстах литургийных проповедей цитаты из Ветхого завета почти отсутствуют. Вероятно, это связано с тем, что изгнание Адама — наиболее известный библейский сюжет: «заключением всей райской истории служит факт изгнания падших прародителей из рая для того, чтобы лишить их возможности пользоваться плодами древа жизни» [7. С. 40].

Однако в литургийных проповедях очевидность того, что Бог изгнал Адама из рая, размывается: *«И вот сегодня уже последний день в преддверии Великого поста. В этот день вспоминает Церковь страшную трагедию, свершившуюся с человечеством на заре его истории — изгнание его в лице общего нам всем праотца Адама от лица Божия, изгнание Адама из рая»* (архимандрит Иоанн Крестьянкин); *«Когда Адам ввел в свое сердце дух противления, дух дьявола, он уже не смог просто так, как и раньше, жить перед лицом Божиим. Эта двойственность, это причастие дьяволу и смерти сразу стало просто разрывать его. Помните, в Библии описывается, что Адам и Ева, после того, как вкусили плод от древа познания добра и зла, буквально сломя голову сбежали, спрятались, услышав голос Бога. Они не могли выносить присутствия Божия, и по сути сами себя изгнали из Рая, прежде чем Господь Бог выслал Адама из сада Эдемского»* (Тихон Шевкунов); *«В истории грехопадения есть еще одна маленькая тонкость: в Библии сказано, что райский сад был насажден Богом на востоке, указываются даже географические подробности, и мы можем утверждать, что эта местность — междуречье, Месопотамия, местность, которая в древности на самом деле была очень плодородная и красивая. И поэтому можно сказать и так: не Бог изгнал Адама из рая, а Адам своим поступком изгнал Бога из своего сердца, из своей жизни, с земли»* (иерей Алексей Зимовец) (табл. 1):

Таблица 1

ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ

Изгнание		
Кто?	Кого?	Откуда?
Бог	Адама	из сада Эдемского
Бог	в лице Адама все человечество	из рая
Адам	Бога	из сердца из жизни с земли
Адам и Ева	себя	из Рая

Очевидно, значение библейского текста нужно переустанавливать заново каждый раз, когда мы находим отсылку к нему.

Кроме того, Адам понимается и как реально существовавший человек, и как образ всего человечества: *«В этот день вспоминает Церковь страшную трагедию, свершившуюся с человечеством на заре его истории — изгнание его, в лице общего нам всем праотца Адама, от лица Божия, изгнание Адама из рая»* (архимандрит Иоанн Крестьянкин), *«Плач Адама представляет церковь, но Адам — это коллективное лицо, это — человечество»* (новосвящ. Григорий Лебедев), *«Мы вспоминаем этот день, и как бы глубоко мы ни вдумывались в это страшное событие, когда в лице Адама все человечество осиротело страшным, смертоносным сиротством, мы все же не можем так его пережить, как пережил человек, который до того всецело жил с Богом, всецело с Ним общался, для которого Бог был жизнью, и радостью, и раем»* (митрополит Антоний Сурожский).

Адам — это **‘общий нам всем праотец’** и **‘коллективное лицо’**, **‘человечество’**.

Пост в богословии понимается как:

— **‘дорога духовного обновления’**, цель которой **‘прийти к Светлому воскресению’**: *«Ныне перед нами открываются двери Великого поста, дорога духовного обновления, по которой мы должны прийти к Светлому Воскресению»* (митрополит Владимир);

— **‘весна духовная’**, **‘время, когда человек может ожить’**, **‘восхождение к Пасхе’**: *«И вступим в этот пост не с горечью, а с радостью. Потому что Пост — это весна духовная, это время, когда мы можем ожить, это наше восхождение к святой, животворящей, дивной Пасхе Господней, которая предвозвещает нам всеконечную Пасху, победу Божию, жизнь вечную, торжество Духа Святого в нас и радость нескончаемую»* (митрополит Антоний Сурожский);

— **‘не только воздержание от жирной пищи и хмельного питья’**: *«Не только в воздержании от жирной пищи и хмельного питья заключается пост, такое воздержание — благое подспорье, чтобы мы смогли очистить от скверны наши чувства и помыслы»* (митрополит Владимир).

Здесь формируется некоторое семантическое поле: пост — это и период времени (**‘когда человек может ожить’**), и процесс (**‘обновление’**, **‘весна духовная’**), и направление (**‘восхождение к Пасхе’**), и усилие человека над собой (**‘воздержание’**).

Толкование поста в проповедях позволило нам вывести следующую парадигму (табл. 2):

Таблица 2

ВОЗДЕРЖАНИЕ И ПОСТ

Воздержание		
От чего?	Кого?	Для чего?
от запретного плода	Адама и Евы	как знак любви к Богу
от жирной пищи и хмельного питья	людей	чтобы мы смогли очистить от скверны наши чувства и помыслы
от пищи	людей	как послушание Богу; чтобы вернуться туда, откуда Адам ниспал

Внутри каждой группы смысловых пересечений проповедей можно установить семантические признаки:

Адам:

- *‘первый человек’*;
- *‘все человечество’*.

Грехопадение:

- *‘вкусение запретного плода’*;
- *‘ослушание Бога (воли Божией)’*;
- *‘измена Богу’*;
- *‘предательство Бога’*.

Прощение:

- *‘самая простая из всех заповедей’;*
- *‘необходимое условие Поста’.*

Пост:

- *‘отказ от исполнения своей воли’;*
- *‘воздержание от запретного плода’;*
- *‘воздержание от жирной пищи’;*
- *‘весна духовная’;*
- *‘дорога, по которой идут к Пасхе’.*

Пасха:

- *‘победа Божия’;*
- *‘жизнь вечная’;*
- *‘торжество Духа Святого в нас’;*
- *‘радость нескончаемая’.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Такая интерпретация разными составителями одного события, отраженного в библейском тексте, не является показателем разночтений в определении этого события (как могло бы показаться человеку светскому). Это свидетельствует о невозможности конечного, исчерпаемого толкования Библии. Причина этого в самой сути православия, которое по своей природе имеет символический характер.

Сопоставительное рассмотрение текстов литургийных проповедей, составленных разными проповедниками и приуроченных к одному событию, позволило нам увидеть важную характерную особенность литургийной проповеди: выведение слушателя на символические смыслы. Проповедник придерживается алгоритма «от значения предметного к значению символическому».

Выбранный метод исследования позволяет с определенной долей уверенности предположить, что результат, который мы получили, в большой степени является достоверным.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Барсов Н.И. Христианство: Энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 1: А—К / Ред. кол.: С.С. Аверинцев (гл. ред.) и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.
- [2] Барсов Н.И. Христианство: Энциклопедический словарь: в 3 т. Т. 2: Л—С / Ред. кол.: С.С. Аверинцев (гл. ред.) и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995.
- [3] Бахтин М.М. <РИТОРИКА, В МЕРУ СВОЕЙ ЛЖИВОСТИ...> // Бахтин М.М. Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 63—70.
- [4] Валентинова О.И. Причины основания средневекового принципа соотношения формы и содержания: литургийная проповедь митрополита Илариона // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семантика. Семиотика». 2013. № 4. С. 5—17.
- [5] Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.
- [6] Немыченков В. Церковный год. Назидательное чтение для новоначальных: <http://www.pravoslavie.ru/put/64058.htm>, 2013.
- [7] Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / А.П. Лопухин. Т. 1: Бытие — Притчи Соломона. 2-е изд., репр. воспроизведение изд. преемников А.П. Лопухина (СПб., 1904—1913). Стокгольм: Институт перевода Библии, 1987.

MEASURE OF THE BIBLICAL TEXT INTERPRETATION IN LITURGICAL SERMONS OF DIFFERENT COMPILERS

Eu.Yu. Medvedev

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
kaf_yazik_rudn@mail.ru

The article deals with the topic of importance to identify correctly the point of view on the object under the study on the basis of liturgical sermons. The author's tried to show the impossibility of obtaining reliable conclusions of theological texts while studying them from the standpoint of commonly understood language. The juxtaposition of secular and theological semiotic systems affects semantic features of liturgical sermon as an integral part of the religious space. Christianity is symbolic by nature. The task of a preacher is to explain the meaning of divinely inspired books to the audience, and it makes an important feature of liturgical sermon, which is constructed through the algorithm "from objective meaning to symbolic value".

Key words: liturgical sermon, opposition of gracious and oratorical speech, objective meaning, symbolic value, intersection of meanings, reorientation of meaning.

REFERENCES

- [1] Barsov N.I. *Khristianstvo: Entsiklopedicheskiy slovar: v 2 t. T. 1: A—K. Red. kol.: S.S. Averintsev (gl. red.) i dr. M.: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1993.*
- [2] Barsov N.I. *Khristianstvo: Entsiklopedicheskiy slovar: v 3 t.: T. 2: L—S. Red. kol.: S.S. Averintsev (gl. red.) i dr. M.: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1995.*
- [3] Bakhtin M.M. *Ritorika, v meru svoey lzhivosti... Bakhtin M.M. Sobr. soch. M.: Russkiye slovari, 1996. T. 5. P. 63—70.*
- [4] Valentinova O.I. *Prichiny osnovaniya srednevekovogo printsipa sootnosheniya formy i sodержaniya: liturgiynaya propoved mitropolita Ilariona. Vestnik RUDN. Seriya «Teoriya yazyka. Semiotika Semantika». 2013. No 4. P. 5—17.*
- [5] Losev A.F. *Dialektika mifa. M.: Mysl, 2001.*
- [6] Nemychenkov V. *Tserkovny god. Nazidatelnoye chteniye dlya novonachalnykh: Available at: <http://www.pravoslavie.ru/put/64058.htm>, 2013.*
- [7] *Tolkovaya Bibliya, ili kommentariy na vse knigi Sv. Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta / A.P. Lopukhin. T. 1: Bytiye — Pritchi Solomona. 2-e izd. repr. vosproizvedeniye izd. preymnikov A.P. Lopukhina (SPb., 1904—1913). Stockholm: Institut perevoda Biblii, 1987.*